

Леонид ЛЕОНОВ:

Правда - 1994 - 31 мая

«Здесь с моею болью обитаю я...»

ИМЯ этого писателя — Леонид Максимович Леонов, чей роман «Пирамида» тремя отдельными книгами начал выпускать журнал «Наш современник». Правда, пока небольшим тиражом — в двадцать пять тысяч экземпляров.

И не то чтобы рукопись «романа-наваждения», как определил его жанр сам автор, пролежала где-то в дальнем ящике письменного стола. Нет же, до последней минуты, уже вдогонку сданной рукописи, продолжалась кропотливая работа над книгой, а предисловие к ней помечено тем числом, когда первая часть романа была сдана в типографский набор.

Мне повезло. Я имел счастье работать с Леонидом Максимовичем над этой рукописью. Радость моя была отнюдь не безоблачной, а доводящей порой до кипения. Ну разве так можно — по десять, по двенадцать часов, а ночное время и не считая, работать, наговаривая ранним утром на диктофон (зрение у Леонидова начало сдавать); затем по ходу расшифровки на слух переделывать текст, подчас вымарывая его целиком, начиная все сначала, мучительно ища фразу, спрессовывая мысль, — и так неделями, изо дня в день... И делали-то всего один абзац, несколько десятков слов!

«Маниакальным» заболеванием называется такую работу Леонов. Но жить без нее он не может и по-другому, спустя рукава, трудиться не умеет. Характер!..

Роман и до сих пор не отшлифован окончательно. Здесь нет предела совершенству, о чем говорят и горы картонных папок со вставками, добавлениями, которые не вошли в окончательный текст книги. Отдельные же главы, которые уже публиковались, напоминают сколы камня сердолика. Они не передают, конечно же, полный рисунок всего романа, всю красоту этой вещи.

НЕ ЗНАЮ, можно ли сравнить подготовку к изданию с

предстартовой вахтой космического корабля, когда до последнего часа к нему подтягиваются шланги, прогоняются телеметрические системы... Это сравнение, пожалуй, не для Леонидова. Еще шестьдесят лет назад он предрек скорое освоение космического пространства, а спустя десятилетия главным героем романа «Пирамида» вывел Дымкова, посланца иных миров и галактик, который пытается понять — по-

Нет в истории мировой культуры, в ее самых необычных творческих проявлениях другого такого факта, когда тот или иной мастер, да не просто мастер, а национальный классик, встречал бы свое 95-летие публикацией нового романа, книги-исповеди, книги-предостережения, подводящей философские и нравственные итоги целого этапа в истории мировой цивилизации. Воистину, беспримерна наша Россия!

чему человек погряз во вражде с близкими себе.

Что это — финал красивой мечты, не сумевшей воплотиться в реальность?

Не случайно и то, что действие романа приходится на довоенные годы. Уже тогда великий художник ощутил сбой в конструкции нового общества, увидел бракованные несущие детали. Да и само действие книги начинается с нелегких для Леонидова воспоминаний. Вновь он впал в немилость. На этот раз удар пришелся по пьесе «Метель», которая, если судить по недавно обнародованным документам, подверглась едва ли не самым ожесточенным формулировкам. И где? На секретном заседании Политбюро.

Такие книги, как роман «Пирамида», имеют еще и до публикации свою незримую духовную жизнь, мощное поле магнетизма. Отсюда и факт публика-

ции выглядит символически. — в такое-то время, когда многое в нашей горькой действительности, если не все, на кону.

И еще. Когда дошли мы до вселенского позора прошлой осенью и дальше пятиться стало некуда, так и кажется, что одними из первых бросились спасать Россию наши мудрые старики — имею в виду и автора романа «Пирамида», и последний свиридовский концерт.

Но даже отвлекаясь от злободневного, проза Леонидова всей своей образной философичностью, всем таким прозрачным, образным русским языком как бы вытаскивает нашего захлебнувшегося в пошлой масслитературе читателя к кислородной подушке. Читать роман трудно и сладостно. Метельный посвист ветра с колкой крупой в лицо — метафора времени и России на страницах этой книги.

ПУБЛИКАЦИЯ ее еще не закончена. И не пришло время делать детальный анализ романа, который будет раскрываться все новыми гранями с каждым новым прочтением. Но могу сказать о первом, наиболее ярком впечатлении. Оно возникает от авторской фантазии, ее безграничного полета. Так и кажется, что нет художнического контроля и уже пройден предел возможного. И начинают, как от солнечного луча через лупу, дымиться страницы книги. Но это иллюзия — все скреплено строгим замыслом и дисциплиной письма. То-то и потрясает при всей свободе самовыражения. Не в этом ли и заключается высший секрет мастерства?

Отчетливо проступает на страницах книги и горечь авторского взгляда на мир. И от того, что она приправлена порой ненавязчивым сарказмом, мягким и грустным юмором, минорная тема становится еще пронзительнее. Такова всегда была русская дума, которая и в песнях получила определение — скорбная.

Бытовые, а также и времен-

ные детали в романе как бы не сфокусированы, имеют подчиненную общему замыслу функцию. Напрасно искать в тексте, скажем, сталинскую трубку и его мягкие кавказские сапоги (да, и он, вождь, один из героев книги). Леонов пытается понять не знаменитый абрис, скорее ореол этого имени, постичь его потайной замысел, философию его идеи в тотальной перековке всего мира.

Вообще, силы добра и зла выведены в романе отчетливо, согласно национальной традиции. Когда речь идет о главном, намеки сомнительны и трусливы. Отсюда рождается и общая праведная интонация книги — без ложного пафоса, а все с той же светлой печалью. Именно она, а не наивность доверчивых героев обезоруживает лезть и коварство, лицемерие и плутовство.

Потому-то и вечные вопросы, на которые пытается дать ответ автор, выглядят в общем строе романа не дидактической приманкой для читателя, а глубинными, чисто леоновскими размышлениями над прошлым и будущим человечества. В каждой

продуманной фразе жернова мысли не работают вхолостую.

РОМАН еще читать и читать. Яснее становится другое. По-своему счастлив бывает тот художник, да и просто человек, который в нашем дичающем от безразличия мире может утвердиться хотя бы в одной крупице Вселенной. Не сгинуть в миражах судеб бесследно, не пропасть зазря. Одна только фраза из романа о такой заветной точке — «здесь с моею болью обитаю я» — больше говорит о человеке, о его истинном предназначении, чем пустозвонкие литавры в его честь или — в противоположность — заупокойные по нем молитвы.

Попытаемся воспринять эту неслучайную для думающих людей России боль нашего современника Леонида Максимовича Леонидова в день его девяностопятилетия.

Вадим ДЕМЕНТЬЕВ.
Фото А. УСТИНОВА.

Читатели «Правды» и ее журналистский коллектив сердечно поздравляют Леонида Максимовича Леонидова с днем рождения.

